
УДК 316.624
ББК 60.524.258
А 19

М.В. Аверьянов,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, тел. 8 928 462 07 97

Методологические подходы в исследовании феномена коррупции: социокультурный аспект

(Рецензирована)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию социокультурных детерминант явления коррупции, проблемам устойчивости коррупционных моделей поведения в современном российском обществе, феномена легитимации коррупционного поведения в ментальности российских граждан.

Ключевые слова: коррупция, легитимация, ментальность, социальный порядок, социальный риск.

M.V. Averyanov,

Applicant for the Candidate degree of Philosophy and Sociology Department of Adyghe State University, ph. 8 928 462 07 97

Methodological approaches in research of a phenomenon of corruption: a sociocultural aspect

Abstract. This paper addresses the research of sociocultural determinants of the phenomenon of corruption, the problems related to stability of corruption models of behavior in a modern Russian society and the phenomenon of legitimation of corruption behavior in mentality of the Russian citizens.

Keywords: corruption, legitimation, mentality, a social order, social risk.

Одним из основных приоритетов во внутренней политике государства является борьба с коррупцией. Особую актуальность данная проблематика получила вследствие произошедшей трансформации общественно-государственного устройства страны и перехода к рыночной экономике. О масштабах коррупции свидетельствует её распространение во всей системе стратификации общества, криминализация большинства институтов государства, а также видовое многообразие проявлений. Коррупция вошла в обывденное сознание граждан как рациональная и прагматичная форма взаимоотношений, систематически подтверждая свою эффективность.

Очевидно, что принимаемые меры по борьбе с коррупцией не дают ожидаемых позитивных результатов, пер-

манентное ужесточение санкций со стороны государства в отношении лиц, совершающих коррупционные преступления, не способствует в должной мере эффективности право применения.

Целью данной статьи является понимание смысловой природы рассматриваемого нами социального феномена. Её можно обозначить, процитировав высказывание М. Вебера относительно задач, стоящих перед социологией: «Социальная наука, которой мы хотим заниматься, — наука о действительности. Мы стремимся понять действительную жизнь в её своеобразии — установить взаимосвязь и культурную значимость отдельных её явлений в их нынешнем облике, а также причины того, что они исторически сложились именно так, а не иначе» [1].

В основе методологического подхода, применяемого в ходе проводимого социокультурного анализа, считаем необходимым использование структурного, функционалистского и системного подходов в связи с тем, что коррупция, являясь элементом социальной реальности, имеет присущую ей культурную составляющую.

Также считаем важным в ходе проводимых исследований использовать методы теоретизирования, разработанные последователями такого направления социологии культуры, как символический интеракционизм, Г. Блумером, Ч. Кули, Д. Мидом, У. Томасом.

Расширению возможностей исследования всей многогранности явления коррупции, предоставляемых структурным функционализмом и символическим интеракционизмом, способствует применение методологических приёмов, такого подхода к анализу культурных феноменов, как «социология культуры», сформировавшегося в рамках понимающей социологии.

«Задача социологии культуры заключается в том, чтобы соизмерять коллективные уровни смысловых конструкций, значимых в отношении систем действия, с определенными общественными условиями, раскрывать их собственную динамику, а также указывать, что они сами по себе суть «социальные факты»... Социология культуры обращает внимание, прежде всего, на аспекты, конституирующие каждый феномен социального, а именно: смысловые комплексы, на которые ориентируется любое социальное действие. Её функция — устанавливать и систематически использовать эти взаимосвязи» [2]. Таким образом, посредством социокультурного подхода к изучению явления коррупции нам предоставляется возможность исследовать смысловой аспект нарушения социального порядка индивидами и легитимации в их сознании рассматриваемых девиаций.

Опираясь на теоретический фундамент социологии культуры, заложенный классиками социологии, учитывая объективацию широкого распростране-

ния явления коррупции в современную эпоху транзисии общества, также считаем важным использование научных подходов, существующих в рамках постмодернистской социологической парадигмы.

Поливариативность форм проявления коррупции, многоаспектность самого явления обуславливают также необходимость интегративного подхода к использованию междисциплинарных научных знаний.

Легитимность коррупционных проявлений в ментальности российских граждан связана с историческими особенностями развития российского общества, наличием устойчивых культурных традиций, характеризующихся аскрептивностью (достиженчеством, необременённым жёстким ограничением средств) и патернализмом (формализованным покровительством и созданием преференций по отдельным основаниям), а также ценностными ориентациями постреформационного периода, культивирующего потребительство и гедонизм.

Явление коррупции, вследствие охвата всей системы стратификации общества, прямо свидетельствует о криминализации современного российского социума, глубоком кризисе нравственно-психологического состояния индивидуального и общественного сознания, характеризующимся разложением системы ценностей, противоречием между провозглашенными целями и невозможностью их реализации для большинства.

Аномия заявляет о себе присутствием, прежде всего, разнообразного и постоянно расширяющегося спектра социальных девиаций. К числу легко наблюдаемых и определяемых «индикаторов» аномии можно отнести рост преступности, социальный хаос, «смятение душ», неясность жизненных целей («главное для нас — выжить»), резкое снижение предсказуемости во времени тех или иных явлений, связанных с данной социальной системой («мы живём только сегодняшним днём»), возрастание значимости материальных ориентаций как противо-

положительных нравственным и духовным («сейчас нам не до духовных запросов») и т.д. [3].

В призмах проводимого социокультурного анализа явления коррупции в качестве масштабной и наиболее опасной по негативным последствиям девиации считаем, что оно возникло в результате конфликта между «социальным» и «культурным» аспектами современного российского общества, находящегося в состоянии транзиции.

В трудах основоположников структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон) именно наличие несоответствий между социальной структурой («организованной совокупностью общественных отношений») и культурой («организованной совокупностью нормативных ценностей») выделялось в качестве детерминант, продуцирующих девиантное поведение.

Узаконивание или обоснование права на собственные коррупционные действия в сознании индивидов происходит в ходе восприятия и оценки ими окружающей действительности, образцов поведения других лиц и способов их действий. Внутренняя потребность человека в эффективности своих действий по достижению целей при их практической труднодостижимости, с одной стороны, и наличие в обществе широкого спектра предлагаемых к реализации устойчивых криминальных схем, с другой — в условиях низкой правовой культуры и духовности катализирует деструктивный выбор. Многократный опыт соотнесения практикуемых способов действий с гарантированностью достижения желаемого результата формирует в сознании актора устойчивое восприятие коррупционных схем как целесообразных.

Немаловажными для понимания обусловленности выбора индивидом коррупционной модели поведения являются идеи научных работ У. Томаса, которым введено понятие «определения ситуации».

...Любому независимому акту поведения, осуществляемому по собственному усмотрению, всегда предшествует стадия его рассмотрения, обдумывания,

которую мы называем определением ситуации. От определения ситуации зависят не только конкретные акты, но последовательно и вся жизненная стратегия и личность самого индивида проистекают из последовательного ряда таких определений [4]. Данное заключение позволяет прийти к выводу о том, что выбор индивидом коррупционной модели поведения не носит спонтанный, импульсивный характер, а, напротив, обусловлен специфичной для каждого актора логической интенцией.

Однако принятые и усвоенные в ходе повседневной практики девиантные модели поведения впоследствии становятся привычными и естественными для обыденного сознания. Процесс созидания социального мира человеческим сознанием, являясь объектом изучения феноменологической социологии, способствует нашему дальнейшему пониманию механизмов легитимации индивидами коррупционных форм поведения. Основоположник данного научного направления А. Шюц считал, что социальный, человеческий мир — это, прежде всего, смысловой мир, создаваемый и упорядочиваемый человеческим сознанием в процессе повседневного существования. Таким образом, построение модели непосредственного восприятия индивидом существующих во внешней среде в виде объективной реальности коррупционных форм поведения возможно с учётом результатов проведённых эмпирических исследований повседневности и жизненного мира. Жизненный мир — это мир взаимодействия с другими, которые разделяют ту же «естественную установку» по отношению к этому миру. По мнению А. Шюца, жизненный мир — это часть реальности, которая непосредственно дана человеку в опыте и над которой человек не задумывается, воспринимая её стихийно и естественно. При этом необходимо отметить, что жизненный мир поддерживается и воспроизводится во времени благодаря деятельности сознания индивида по усвоению, упорядочиванию и осмыслению полученного опыта [5].

Особое место в исследовании меха-

низмов восприятия индивидом реальной действительности принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману. В основе разработанной ими теории социологии знания лежит утверждение о том, что вся совокупность представлений о реальности, которые существуют в обществе, основана на обыденном, повседневном знании.

Анализ феномена хабитуализации девиантных форм поведения должен основываться на теоретическом фундаменте, созданном трудами данных учёных и включать в себя исследование взаимосвязи между социальными явлениями, обозначенными понятиями «реификация» и «легитимация».

Поскольку социальная реальность создается посредством значений, формирующихся и воспроизводящихся в процессе непрерывного взаимодействия индивидов, то «социальный порядок», в контексте взглядов П. Бергера и Т. Лукмана, являет собой совокупность устойчивых взаимодействий и продублирован «реификацией». Под «реификацией» понимается «восприятие человеческих феноменов в качестве вещей...». Созданные человеком и существующие благодаря его деятельности институты и другие устойчивые формы взаимодействия, направленные на реализацию конкретных функций, включая коррупционные модели поведения, воспринимаются им как «объективная реальность», не зависящая от него. Важнейшим в понимании хабитуализации и легитимации в общественном и индивидуальном сознании рассматриваемой нами девиации является вывод учёных о том, что, несмотря на «сконструированный» характер, социальный порядок «объективен» в том смысле, что каждый отдельный человек застаёт его уже «сложившимся» и вынужден к нему приспособляться. «Знание», усвоенное индивидом, по мнению учёных, включает всю совокупность значений, связанных с интерпретацией окружающего мира, а «легитимация» представляет собой объяснение и оправдание существования тех или иных элементов социальной реальности [6].

Таким образом, легитимация не только конституирует институциональный порядок, но и придаёт когнитивную обоснованность объективированным значениям каждого отдельного индивида. Девальвация ценностей транзитивного общества, совокупность знаний о социальной реальности, усвоенная индивидом, редуцируют общепринятую нормативно-ценностную сферу. Как следствие, легитимация оправдывает деструктивный выбор модели поведения и придаёт криминализированным нормам характер практического императива.

...Легитимация говорит индивиду не только то, почему он должен совершать то или иное действие, но и то, почему вещи являются такими, каковы они есть [6].

Рассматривая феномен легитимации коррупции в общественном и индивидуальном сознании граждан, возникает вопрос о том, каким образом и посредством каких механизмов девиантные нормы (коррупционные модели поведения) интегрировались в совокупность устойчивых взаимоотношений (социальный порядок). Наличие, с одной стороны, организованного и институционально оформленного, в том числе выражающего потребности социума, противодействия коррупции со стороны государства, и в то же время наличие широкого распространения во всей системе стратификации общества видового многообразия и устойчивого воспроизводства коррупционных моделей, — с другой — формируют амбивалентное восприятие существующего социокультурного пространства.

Ассимиляция противоправных — с нормативно-правовой точки зрения, аморальных и деструктивных — с позиции общепринятых гуманистических, морально-нравственных ценностей, значений в сфере восприятия, оценки и практической деятельности индивида подтверждает наличие у него логической интенции деструктивного выбора вне зависимости от его этиологии. Ментальность, обладая признаками устойчивости и логически прослеживаемой специфической определённости

восприятия, интегрирует в себя как осознанный, целенаправленный выбор индивидов, носителей асоциальных мировоззренческих установок, так и интернализацию законопослушным индивидом новой реальности, при которой она не становится своей, а используется для реализации специфических целей.

Т. Парсонс в своей теории «социального действия» утверждал, что именно культурные факторы играют главенствующую роль как в поддержании социального порядка, так и в процессе социального изменения.

Таким образом, принципиально важное значение имеет осмысление социокультурных условий, сложившихся в постреформенной России, а также образовавшихся каузальных зависимостей между культурным и социальным аспектами в условиях аномии современного транзитивного общества. Именно складывающиеся условия во всём спектре социокультурного взаимодействия, на наш взгляд, определяют логику возникновения и дальнейшего развития феномена коррупции. Определённость воспроизводимых форм коррупционных проявлений, спектр социальных сфер, подвергнутых рискам, специфика моделей коррупционного поведения так или иначе будут опосредованы социокультурной средой.

Любой социокультурный феномен должен быть функционально целесообразен, обеспечивать удовлетворение определённых биологических, психических и социальных нужд. Все культуры имеют отпечатки той ... среды, в которой они развивались [5].

Теоретизирование процессов обусловленности ценностей и норм социальной средой нашло своё отражение в научных трудах К.Маркса и М.Вебера, Э.Кассирера, М.Фуко и других авторов. Раскрытие сущности этих процессов в условиях постиндустриального общества явилось предметом исследований П. Бурдьё, которым на принципах структурализма (постструктурализма) была разработана современная концепция социологии культуры.

В целях раскрытия детерминирующего коррупционное поведение фак-

торов и осмысления условий, способствующих дальнейшей легитимации рассматриваемых значений в сознании индивида, считаем существенным применение отдельных теоретических положений концепции социологии культуры П. Бурдьё, в части разработанных и обозначенных понятиями «габитус», «поле» и «капитал».

Так, «габитус» — динамический комплекс привычек, поведенческих реакций, организующих практику своего носителя. Габитус, по мнению учёного, формируется под воздействием социальных условий — воспитания, классовой принадлежности, культурных норм и т.д., а также определяет, каким образом его носитель реагирует на внешние обстоятельства. На наш взгляд, в целом однородное социалистическое общество, находящееся в рамках схожих социальных условий, под воздействием единого идейно-мировоззренческого пространства в совокупности с большой скоростью трансформационных процессов определили генезис распространения коррупционных моделей поведения во всей системе стратификации современной России. Высокая динамика происходящих процессов социальной дифференциации постиндустриального общества способствует нормативно-ценностной гомогенности различных социальных общностей в аспекте коррупции.

Коррупционное поведение, по нашему мнению, имеет в своей основе рационально-экономическое целеполагание индивидов. Относительно автономная сфера деятельности, обладающая собственной внутренней логикой, своими «правилами игры» формирующая собственные цели, обозначена в концепции П. Бурдьё понятием «поле». По мнению учёного, поля иерархичны: одни охватывают более широкие области, чем другие. В частности, экономическое поле более обширно, чем поля специфических направлений деятельности (медицина, правоохранительная деятельность, социальное обеспечение, образование и др.). Это значит, что правила, действующие в более широких полях, действуют и в пределах по-

лей частных наряду с их собственными правилами, что значительно усложняет структуру отношений. Каждое поле включает совокупность позиций, определяющих характер взаимодействия внутри них, подразумевает свои правила, цели и механизмы их достижения и т.д. в ходе интеракций между индивидами и группами. В экономическом поле в качестве императива существует основной закон — извлечение прибыли, получение материальных благ. Рациональность и прагматичность коррупционных проявлений, по нашему мнению, заключается в стремлении гарантированно достичь желаемых результатов в возможно более короткие сроки при минимальных материальных затратах. При этом разнообразие механизмов и средств достижения целей адекватно поливариативности мнений об их допустимости и моральности.

Определяя общие признаки и свойства, присущие всем полям, П. Бурдье говорит об существовании внутренней борьбы за власть и специфический «капитал» (капитал — не только результат соперничества, но и средство достижения целей). Одновременно отмечается, что индивиды, соперничая друг с другом, обладают разным капиталом, что в конечном итоге определяет их шансы. Так, к видам капитала, определяющего коррупционные проявления в различных сферах, считаем возможным отнести выделенные П. Бурдье следующие виды: экономический капитал (деньги, материальные ресурсы), социальный капитал (выгодные связи, знакомства, влияние), символический капитал (престиж, слава, имя, происхождение).

Возвращаясь к выводу Т. Парсонса о том, что культурные факторы играют главенствующую роль в поддержании социального порядка и в процессе социального изменения, отметим, что П. Бурдье также выделяет значение культуры, определяя культурный капитал как самостоятельный и представленный образованием, хорошим воспитанием, знаниями. Культура в то же время рассматривается им в качестве «культурного поля», наделенного соб-

ственной логикой и подразумевающего специфические формы соперничества за специфический капитал. Учёный отмечает, что в ходе соперничества не только распределяются позиции и выстраиваются приоритеты, но и формируются представления о культурных ценностях, о том, что должно считаться нормой или отклонением и т.д. [7]. Так, нашему пониманию выбора индивидами коррупционных моделей поведения способствует вывод о том, что поле культуры, будучи включённым в более широкое экономическое поле, подчиняется не только собственной логике, но и логике последнего.

Так, на фоне аномичности социокультурного пространства постреформенной России феномен коррупции демонстрирует проникновение логики экономических отношений в сферу повседневной жизнедеятельности индивида, где при отсутствии устойчивых морально-нравственных установок деградируют культурные основы ментальности, легитимизируясь в общественном и индивидуальном сознании.

Подводя итоги краткого анализа существующих научных воззрений, считаем возможным, интерпретировав размышления Д. Крейн о перспективах социологии культуры, отметить, что проблематика коррупции останется в ряду актуальных предметов исследования. Объективное исследование всех аспектов данного социокультурного феномена возможно только в призме поливариативного и комплексного использования существующей теоретико-методологической базы. В контексте нашего исследования необходимо дальнейшее осмысление следующих основных вопросов социологии: 1) как определять культуру и её роль и значение с учетом всех её современных проявлений; 2) каковы отношения между структурой и культурой; 3) каким образом следует проводить систематическое изучение культуры во всех её социальных контекстах сегодня, когда представляются устаревшими традиционные представления о социальных причинах и следствиях [8].

Накопленный теоретический опыт представляет возможность рассмотрения широкого спектра детерминант явления коррупции и, несмотря на сложный состав предмета исследований, низкий уровень разработанности темы, позволяет осмыслить наиболее значимые каузальные связи между культурным и социальным аспектами общества. Специфика изменений взаимосвязи культуры и социальной структуры постреформенного общества, проявляющаяся в появлении новых феноменов, продуцирует необходимость поиска новых научных подходов исследований и построения теоретических моделей, адекватных реальности. Совокупность вновь разработанных интерпретативных и объяснительных подходов, применяемых в анализе результатов эмпирических исследований, позволит расширить сферу научных знаний социологии культуры.

На основании проведённого нами анализа считаем возможным предложить следующие выводы:

1. Явление коррупции, вследствие охвата всей системы стратификации общества, прямо свидетельствует о криминализации современного российского социума, глубоком кризисе

нравственно-психологического состояния индивидуального и общественного сознания, характеризующемся разложением системы ценностей, противоречием между провозглашенными целями и невозможностью их реализации для большинства.

2. Внутренняя потребность человека в эффективности своих действий по достижению целей при их практической труднореализуемости, с одной стороны, и наличие в обществе широкого спектра предлагаемых к реализации, устойчивых криминальных схем, с другой, — в условиях низкой правовой культуры и духовности катализирует деструктивный выбор.

3. Легитимация не только конституирует институциональный порядок, но и придаёт когнитивную обоснованность объективированным значениям каждого отдельного индивида. Девальвация ценностей транзитивного общества, совокупность знаний о социальной реальности, усвоенная индивидом, редуцируют общепринятую нормативно-ценностную сферу. Как следствие, легитимация оправдывает деструктивный выбор модели поведения и придаёт криминализированным нормам характер практического императива.

Примечания:

1. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 362.
2. Гудков Л.Д. Культуры социология // Западная теоретическая социология. Словарь. М., 1990. С. 67.
3. Покровский Н.Е. Проблема аномии в современном обществе. М., 1995. С. 51.
4. Козер Л. Мастера социологической мысли. М., 2006. С. 456.
5. Шюц А. Смысловое строение социального мира. Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 11, 334. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/>
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 153-154.
7. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 174.
8. Крейн Д. Социология культуры: вызов социологии как дисциплине // Контексты современности — 1. Казань, 2000. С. 99-100.
9. Эфендиев А.Г. Общая социология: учеб. пособие. М., 2000.

References:

1. Veber M. «The objective character» of cognition in the sphere of social sciences and social policy // Cultural science. The XX-th century. Anthology. M., 1995. P. 362.
2. Gudkov L.D. The sociology of culture // Western theoretical sociology. Dictionary. M., 1990. P. 67.
3. Pokrovsky N.E. The problem of anomie in the modern society. M., 1995. P. 51.
4. Kozier L. The masters of sociological thought. M., 2006. P. 456.

-
5. Shyuts A. The sense construction of the social world. The American sociological thought: texts / ed. by V.I. Dobrenjkova. M.: MSU Publishing house, 1994. P. 11, 334. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/>
 6. Berger P., Lukman T. The social design of reality. M., 1995. P. 153-154.
 7. Bourdieu P. The sociology of politics. M., 1993. P. 174.
 8. Krein D. The sociology of culture: the challenge to sociology as a discipline // The contexts of modern times — 1. Kazan, 2000. P. 99-100.
 9. Efendiev A.G. The general sociology: manual. M., 2000.